

Учёные об итогах реформирования РАН

Два года назад стартовала реформа Российской академии наук – 27 сентября 2013 г. вступил в силу Федеральный закон № 253 (ФЗ-253) «О Российской Академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Начало «эпохи перемен» ознаменовалось митингами и пикетами ученых, которые выступали против реформы, опасаясь, что наука пострадает, а академия погибнет.

Недовольство и сомнения сопровождали реформу и дальше. Так, в мае 2015 г. в Большом зале РАН состоялась так называемая протестная Конференция научных работников, где было высказано немало претензий к Федеральному агентству научных организация и Минобрнауки по предложенным ведомствами проектам организации науки – финансирования исследовательских работ и реструктуризации научных организаций. Недавняя попытка Минобрнауки подчинить себе фонды поддержки научных исследований – РФФИ и РГНФ – также вызвала резко негативную реакцию в ученом мире.

ИА REGNUM начинает опрос о том, как сегодня оценивают двухлетние реформы те, кто и делает науку, – ведущие ученые России.

Г. Малинецкий, доктор физико-математических наук, профессор, бывший заместитель директора Института прикладной математики им. М. В. Келдыша, вице-президент Нанотехнологического общества России, считает, что ученые «оказались не у дел», а реформа вернула науку в средневековье:

«Реформа РАН, которая состоялась в сентябре 2013 г., – это просто разгром. Академия в том виде, в котором она складывалась со времен Петра Первого, с 1724 года, просто прекратила свое существование. Клуб пожилых профессоров, членов-корреспондентов и академиков, который мы сейчас называем Российской Академией наук, оказался оторван от институтов. Поэтому он живет своей замечательной жизнью, можно порадоваться за профессоров, которые получают стипендию, но они оказались не у дел. То есть их квалификация, их возможности не востребованы. Что касается институтов, то здесь ситуация еще хуже. Есть анекдот былых времен, что главное в научном институте, конечно, бухгалтер, потому что он деньги выдает. Но тогда и в страшном сне не могло присниться, что бухгалтер будет назначен директором института – институты нужны для чего-то другого, кроме выдачи денег. Сегодня институты подчинили ФАНО, которое должно

заниматься имуществом, чем в каждом институте занимаются помощники директора по хозяйственной части. Так вот, академические институты, которых 1007 штук, отдали в руководство завхозам. Помните, «умывальников начальник и мочалок командир»... Эти прекрасные Мойдодыры – при полном уважении к ним: они очень стараются, они большие молодцы – к содержательной части науки не имеют отношения. Поэтому какие-то крупные задачи, которые нужно было бы решать в стране, перед институтами не ставят, и институты работают, скорее, по инерции. Мы вернулись в средневековье: кто-то умеет лапти плести, кто-то умеет ложки делать, и каждый думает, как бы денежек подзаработать. Положение незавидное».

А. Асеев, академик, вице-президент РАН, назвал годы нынешней реформы «просто потерянными для большой науки» и «разрушением веками проверенной институциональной формы организации науки»:

«Первая оценка такова: реформа была плохо подготовлена, плохо продумана. Два года для большой науки оказались просто потерянными. Конечно, институты работали, научные сотрудники работали, но с точки зрения тех важных задач, которые стоят, – вы видите, что в экономике происходит, в технологиях, стремительно меняется научная картина мира, на первый план выходит биология, когнитивные технологии, робототехника – мы плетемся в хвосте. В науке немало проблем существует, но реформа их просто усугубила, развития не произошло. Это не мое мнение, я встречаюсь с ответственными людьми, губернаторами, заказчиками из промышленности, они на все это смотрят с большим удивлением. Задача-то все-таки – развитие, новый уровень организации науки, с чем никто не спорит, новая степень фондовооружения, что называется, подготовка кадров более высокого уровня, но эти задачи забыты. На первое место вышли оперативно-тактические проблемы: как цитирование организовать, как упорядочить кадры, как разобраться с имуществом. Это, конечно, важно, но на это потрачено два года, а высокие цели ушли на второй план. Это самый главный негатив неожиданной атаки на Академию 253-го Федерального закона. Реформа не подготовлена, научное сообщество поставили перед фактом, цели не определены, как говорят математики, нет граничных условий – что мы хотим сделать. То, что чиновники из Минфина, набранные случайно в ФАНО люди, решают вопросы, от которых зависит судьба научных направлений, полностью алогично. Кстати, в ФЗ-253 записано, что Академия осуществляет научно-методическое руководство не только научными учреждениями, но и организациями системы высшего образования. Все-таки наука должны быть впереди, а потом должны быть безусловно важные

вопросы бюджетирования, финансирования, имущественного комплекса, организации кадровой работы. Однако произошло обратное – Президиум бесправен. Фортов, если помните, на заседании президентского Совета в конце прошлого года поставил вопрос о правиле «двух ключей». Прошло полгода, правило вышло в виде майского постановления, подписанного председателем правительства. Но там все выхолощено, никаких двух ключей нет, все решает ФАНО. Оно только обязано согласовать все с Академией, а если согласование отсутствует, то вопрос выносят на правительство, к Дворковичу. Понятно, что в этой ситуации голос Академии почти никакой роли не играет.

Единственное стоящее, что объявило ФАНО, – программа реструктуризации научных учреждений. Я согласен, тут много перезревших проблем, все строилось еще в советское время, много устарело, неактуально, необходимо обновление. Но реализация программы вызывает вопросы. Насколько я знаю, у нас в Сибири, а также в республиках Северного Кавказа по географическому принципу объединяют научные учреждения в одно юридическое лицо со всеми вытекающими последствиями. Появляются безликие объединенные структуры, которые, наверное, позволяют легче проводить финансовые операции и кадровую политику, но живая ткань науки от этого страдает. Классический пример – то, что ФАНО пыталось сделать в Иркутске. Там хотели слить 18 юридических лиц в одно: химиков, физиков, геологов, медиков и т. д. Сейчас серьезная ситуация в Красноярском крае, где пять институтов Академгородка соединяют в одно лицо. ФАНО упаковывает это в красивую обертку – идем навстречу пожеланиям трудящихся, Ученые советы согласны, все остаются на своих местах, продолжают работать, но фактически идет разрушение проверенной веками во всем мире институциональной формы организации науки. Это нанесет вред в регионах, национальных республиках. Такого рода комплексные институты существовали на заре советской власти, когда надо было быстро решать проблемы, создавались комплексные институты, где вместе работали и физики, и ветеринары. Это был первый шаг...

Сегодня надежды, что реформа что-то улучшит, оказались наивными и несбыточными. Кстати, одно из последствий возрастного ценза – появилось много безработных академиков, директорами институтов назначаются молодые. В каких-то случаях это правильно, но часто на заседаниях Ученого совета я вижу бывшего директора Института ядерной физики, крупнейшего в системе РАН, со своим молодым директором. Они сейчас вдвоем ходят: у одного опыт, а у другого должность, ну, и, конечно, он более энергичный. Видно, что делать надо было иначе».

Р. Нигматулин, академик РАН, директор Института океанологии им. П. П. Ширшова. В 2013 г. подписал заявление ряда академиков и членов-корреспондентов РАН об отказе вступить в новую «РАН» в случае её реорганизации. Однако сегодня говорит, что у него «есть небольшое чувство оптимизма», при этом убежден, что «деньги на науку должны быть удвоены»:

«Если говорить о моей проблеме, проблеме флота, то есть некоторые положительные сдвиги в связи с руководством ФАНО. Увеличились экспедиционные исследования. Отремонтирован судно “Академик Келдыш”, решаем проблему с двумя судами, которые загнали в Китай другие институты. Отрицательные эмоции вызывает то, что тобой командуют люди не того ранга, хотя мы приспособляемся. В конце концов, основные проблемы нашей академической жизни не в организации дела, а в наличии творческого потенциала, который сокращается, потому что сокращается число активно работающих ученых. Мешает недофинансирование научной деятельности, которое ФАНО исправить не может. Это главные проблемы, и они не решаются. У чиновников в Минобрнауки и в ФАНО есть завышенные ожидания, что мы организуем, реорганизуем, что-то соберем получше, и резко улучшится дело. Нет, этого не будет, пока сокращается финансирование, что подрывает развитие российской науки. Это все слова, что большие деньги отпускаются. Да, деньги большие, но они должны быть удвоены. Тогда будет развиваться гармонично академическая наука и вузовская наука, это важно осознать. А у нас говорят, сократим немного – на 10 %, а в следующем году вообще не сократим. Но в условиях инфляции реальное финансирование все равно сокращается. Поэтому привлечение молодежи в науку проблематично. В целом, понимание правильное, действия правильные, но они не вылились пока в существенное увеличение финансирования. Чувство оптимизма у меня небольшое есть» *(Малинецкий Г. Учёные об итогах реформирования РАН // Российская академия наук (<http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=c2be07b0-0d22-488e-ad98-0009772bbcb5>). – 2015. – 15.09).*